

ся. Их триумф будет отравлен. Их победа окажется пирровой победой.

— Обвиняемая, твое имя и возраст?

— Деревня меня называла Жаннеттой, а Франция — Жанной... Мне почти девятнадцать лет...

Епископ Кошон окинул девушку строгим взглядом.

— Прежде всего поклянись на евангелии, что будешь отвечать только правду.

— Я не знаю, о чем вы пожелаете меня спросить. Об отце, матери, о самой себе и своих делах я охотно расскажу. Но есть вещи, которые касаются только бога и моего короля. О них я буду молчать даже под угрозой смерти.

Поднялся шум. Доктора и заседатели возмутились: девчонка осмеливается ставить свои условия!.. Мало того, что она явилась сюда в мужском костюме, она начинает с открытого неповиновения!

Действительно, это был первый вызов Жанны, обращенный к суду: она не признала компетентности «святых отцов» во всем, что касалось ее взаимоотношений с богом и королем, то есть ее миссии. И она добилась своего. После бесполезных уговоров и угроз Кошон, не желавший прерывать заседания, согласился принять ее формулировку присяги.

Вслед за тем девушка бросила второй вызов.

Епископ под страхом отлучения от церкви запретил ей всякие попытки к бегству. Это наставление было напрасным: из темницы Буврея спастись было невозможно. Но Жанна вместо изъявления покорности ответила так, что судьи разинули рты:

— Если бы мне и удалось скрыться, ни один человек не мог бы меня упрекнуть в том, что я нарушила слово, ибо я никому ничего не обещала.

В свою очередь, она обратилась к епископу с жалобой на тяжесть оков. Кошон ей заметил, что она уже дважды чуть не ушла от Люксембурга; этим якобы и объяснялись принятые меры предосторожности.

— Я не отрицаю, — сказала Жанна, — что хочу бежать. Подобное желание позволительно любому узнику.